

Кавказ между бывшим Востоком и нынешним Западом. Владимир Дегоев. Дружба народов, 2008, 6

Владимир Дегоев

Кавказ между бывшим Востоком и нынешним Западом

Дружба народов, 2008, 6

оригинал на сайте: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2008/6/de14.html>

проф. д.и.н. Владимир Дегоев: <http://mgimo.ru/users/document1312.phtml>

Публикуется при поддержке Фонда "Русский мир".

Исторически Кавказ всегда был, как сегодня говорят, чувствительным регионом. Это обуславливалось целым рядом внутрикавказских и внекавказских факторов. Прямым следствием их тесной и динамичной взаимосвязи явилась имманентная нестабильность региона. Подобная нестабильность стала одной из периодически обостряющихся тенденций в истории народов Кавказа. Их драма во многом заключается в том, что территория совместного проживания, будучи цельной и очень важной геостратегической системой, на протяжении веков была лишена соответствующего внутреннего цивилизационного единства.

Время от времени возникавшие в Закавказье и на Северном Кавказе квазиполитические образования были недолговечны. Их стремление к региональной или субрегиональной гегемонии находилось в непреодолимом противоречии со слабыми внутренними ресурсами Ч военными, социально-политическими, экономическими, культурно-идеологическими и прочими. Эти обстоятельства неизбежно превращали Кавказ в постоянный соблазн и объект политики внешних сил.

Субъективно эта политика отражала планы установления иноземного господства над всей или значительной частью территории Кавказа. А ее объективное содержание заключалось в том, что независимо от замыслов завоевателей кавказское пространство, мозаично раздробленное на враждующие элементы, организовывалось в некую структуру, достаточно податливую для управления.

Иными словами, та или иная форма включения Кавказа в имперские сверхструктуры Античности, Средневековья и Нового времени делала его, с одной стороны, яблоком раздора и объектом УколониальнойФ эксплуатации, с другой Ч служила фактором упорядочения внутрикавказской жизни, по крайней мере, в рамках исторически сложившихся или временных сфер внешнего влияния. Насильственные переделы этих сфер, разумеется, приносили кавказским народам немало вреда. Однако после завершения очередной их фазы наступал период относительного спокойствия и равновесия.

Подобные циклы характерны скорее для Закавказья, чем для Северного Кавказа, контролировать который Ч ввиду совершенно иной этносоциальной и этнополитической ситуации Ч было гораздо сложнее. Не случайно имперские поползновения Турции и Ирана по отношению к нему неизменно заканчивались провалом. Сформировать северокавказское единое политическое пространство было не из чего: отсутствовали соответствующие внутренние связи и цивилизационные предпосылки. Этническая чересполосица, перманентные междоусобицы и внутриусобицы, доводившие ситуацию почти до хаоса, составляли отличительную особенность Северного Кавказа, заметно охлаждавшую экспансионистский пыл Стамбула и Тегерана.

Для России, в отличие от Турции и Ирана, остро стояла проблема физического соседства с воинственными и неукротимыми племенами Северного Кавказа. Решить ее можно было двумя способами: либо установить прочную, хорошо защищенную границу, либо завоевать их. Первое (по представлениям XVIII Ч XIX веков) выглядело нецелесообразным и неоправданно дорогим предприятием, учитывая рельеф, климат и огромную протяженность степного массива от Азова до устья Волги. Второе тоже сулило большие траты, но казалось более необходимым и логичным в условиях обострявшегося геополитического соперничества за кавказский перешеек, дававший точку опоры для господства в Черном море и на Каспии.

К концу 20-х гг. XIX в. Кавказ вошел в состав Российской империи. Регион перестал быть полем ожесточенного международного соперничества и тем самым избавился от одного из серьезных деструктивных факторов в своем историческом развитии. В рамках имперской сверхструктуры Кавказ впервые обрел гарантии внешнеполитической безопасности и условия для устойчивого социально-экономического роста с перспективой встраивания в общеевропейский модернизационный процесс.

К началу Первой мировой войны можно было констатировать впечатляющие итоги ускоренной цивилизационной эволюции Кавказа, ставшего важной составляющей экономического потенциала России. В регионе активно развивались промышленность, сельское хозяйство, транспортно-коммуникационные сети, урбаническая инфраструктура, социально-культурная сфера, образование, наука и т.д.

Сохраняя историческую специфику, Кавказ и его народы быстрыми темпами шли по пути всесторонней интеграции в гигантскую имперскую систему. В российском плавильном котле формировались новые, надэтнические и кросс-этнические общности, новые типы самосознания и идентичности Ч социально-политические, профессионально-корпоративные, духовно-культурные. Этому в значительной степени способствовала интернационализация всех классов российского общества Ч прежде всего правящей элиты. Для них издавна была характерна практика инкорпорирования представителей нерусских народов, а также особая, имперская сверхидентичность, со временем размывавшая основу узко этнического самоотождествления.

Кавказские национальные элиты (в широком смысле слова) гордились принадлежностью к империи, их породившей и воспитавшей. Это чувство вполне уживалось с памятью об этническом происхождении, а порой и доминировало. Формировался психологический феномен множественной идентичности, то есть осознания себя на уровне разных по размерам и характеру людских сообществ Ч от аула, где человек появился на свет, до огромной империи, где он самореализовался как личность.

Катастрофические события 1914Ч1921 гг. внесли свои коррективы в исторический процесс вхождения Кавказа в Российскую империю. Наступившая в этом процессе пауза показала объективную и субъективную неспособность образовавшихся закавказских государств к самостоятельному, независимому и, тем более, демократическому существованию. Кратковременность этой паузы и ее внутреннее содержание свидетельствовали о мощной исторической инерции ИмперостроительныхФ и ИмперостремительныхФ факторов. Разрушить их не смогли ни война, ни революция, ни иностранная интервенция. И это обстоятельство помогло возобновлению интеграционного процесса, но теперь уже на новой социально-политической и идеологической основе.

Для кавказских и других народов советской империи это означало наступление эпохи стремительной модернизации, растущего благосостояния и беспрецедентной социальной и межэтнической стабильности.

Прямым геополитическим следствием восстановления имперского контроля над Кавказом явилось повышение уровня международной безопасности на Ближнем и Среднем Востоке, по крайней мере, в той степени, в какой это зависело от состояния советско-турецких и советско-иранских отношений.

Данный вывод справедлив также применительно к периоду холодной войны, который

характеризуется так называемой конфронтационной стабильностью, носившей глобальный характер. Линия противостояния сверхдержав проходила по всему миру, включая южные границы СССР. Тот факт, что Кавказ был частью советского геополитического пространства и военно-стратегической инфраструктуры, служил залогом региональной безопасности, основанной на понимании необходимости повсюду придерживаться негласных правил большой биполярной игры.

Дополнительную страховку от поползновений Запада нарушить эти правила там, где он увидит уязвимое место противника, давала советскому руководству прочность его социально-политических и идеологических позиций на Кавказе. Это, конечно, не исключало деструктивного воздействия со стороны Запада, но оно опять-таки осуществлялось в рамках того, что считалось условно дозволенным и обоюдотерпимым.

С крушением СССР в 1991 г. эти правила игры действовать перестали, а новых пока не придумали. Новообразованные государства Южного Кавказа со всеми их внутренними и внешними проблемами, типологически похожими на проблемы, порожденные событиями 1918-1921 гг., заняли пограничное положение между бывшим Востоком (то есть Россией и Центральной Азией) и нынешним Западом. Последний, безоговорочно победив в холодной войне, использовал ее результаты быстро, жестко и прагматично. Как, собственно, и положено победителю. Начатая им в 1990-е годы политика под негласным лозунгом Угоре побежденнымФ, судя по всему, продолжает практиковаться и сегодня. Она осуществляется в разных, в том числе скрытых и мягких формах, но при этом очевидно стремление к расширению на восток и реструктурированию постсоветского пространства в собственных геополитических, экономических и военно-стратегических интересах.

Это стремление находит выражение в идее искусственного создания на периферии бывшего СССР и за ее пределами мегарегионов с довольно высоким уровнем интеграции и с перспективами на укрупнение, которое предполагается осуществлять в рамках таких доктрин, как Уновое соседствоФ, и с помощью соответствующих экономических, политических и культурно-идеологических инструментов. По сути предназначение мегарегионов состоит в том, чтобы стать центрами притяжения для смежных территорий, попросту говоря Ч механизмом дальнейшего раздела постсоветского наследства.

Независимо от подлинных или декларируемых целей, подобная политика во многом объективно противоречит национальным интересам России, включая интересы ее обороны и безопасности. В этом остается тем меньше сомнений, чем более явно стратегия Урасширения на востокФ принимает антироссийское содержание, зачастую напоминая строительство своеобразного Усанитарного кордонаФ вокруг России. Тем самым культивируется питательная среда для недоверия и накопления конфронтационного ресурса.

Отнюдь не последнюю роль в этой сложной и рискованной конъюнктуре играет Южный Кавказ. Грузия и Азербайджан входят в ГУАМ Ч региональную международную организацию, сконструированную под опекой США для противодействия и России, и реинтеграционным процессам на постсоветском пространстве. Прозападного курса придерживается значительная часть грузинской и азербайджанской политической элиты. Это делается по ряду соображений, в которых есть своя, заслуживающая внимания логика и которые совсем не обязательно связаны с неприязненными чувствами к России. Тбилиси и Баку демонстрируют разную степень оппозиционности к Москве, однако в целом можно говорить, что их неввраждебное и даже минимально лояльное отношение России не гарантировано.

В принципе не гарантировано оно и со стороны Еревана, хотя сейчас в это, быть может, трудно поверить. В Армении есть влиятельные силы, твердо ориентированные на интеграцию в Большую Европу. Их приход к власти чреват кардинальной перестановкой внешнеполитических приоритетов Еревана.

Сегодня южнокавказские государства Ч кто чаще, кто реже Ч официально декларируют идею многовекторной внешней политики. Тем не менее при определенном стечении обстоятельств от этой многовекторности может остаться только одно направление Ч западное.

Пока лишь теоретическая перспектива включения Южного Кавказа в евросоюзные и евроатлантические структуры, в какой бы внешне безобидной форме это ни происходило, вызывает повышенную озабоченность в Москве. И это Ч абсолютно естественная и оправданная реакция, требующая того, чтобы ее, как минимум, принимали в расчет все игроки как очень серьезный фактор, объективно способный резко дестабилизировать общую обстановку в Закавказье. Совершенно наивно и контрпродуктивно ожидать от Кремля УправильногоФ, то есть непротивленческого понимания мотивов расширения Запада на восток и встречного движения южнокавказских государств на Запад.

Ввиду объективных причин Россия просто не в состоянии Ч как бы ни хотела Ч отдать Южный

Кавказ на полный откуп внешним силам. Здесь речь идет не просто о потере сферы влияния как таковой, в чем в принципе нет большой трагедии. Речь идет о территории, непосредственно соприкасающейся с границами России и поэтому имеющей жизненно важное значение с точки зрения безопасности во всех смыслах этого слова. Для Москвы, в отличие от Запада, это Ч фундаментальный вопрос, и другим он быть не может. Говорят, что такое видение проблемы безопасности уже устарело, и одно время мы чуть было не поверили в это, но беспощадные международные реалии отучили российское руководство от подобного прекрасноразумия, пусть и с большим опозданием.

Дело вовсе не в том, должен ли Кремль доверять Западу, когда тот заявляет, будто его продвижение на Южный Кавказ ничем России не грозит. Не исключено, что в ряде случаев эти заверения вполне искренни. Но дело ведь совсем в другом. Установление российско-европейской (читай Ч евроатлантической) границы по Кавказскому хребту будет означать радикальное и, возможно, фатальное для России изменение геополитической и военно-стратегической конъюнктуры на всем евразийском континенте. Если это Ч не дай бог Ч случится, безопасность и само существование России окажутся в зависимости не от тех, кто когда-то убеждал Москву в своих благих намерениях, а от нового поколения западных лидеров, мыслящих иными, куда более жесткими категориями.

Кто-то сказал, что идея (неважно, верная или ошибочная), которой руководствуются политики, есть такая же материальная сила, как и их поступки. Поэтому, если даже предположить, что Россия преувеличивает угрозы, связанные с западным присутствием в Закавказье, для Евросоюза и США выгоднее и разумнее не указывать Москве на ее УзаблуждениеФ, а прагматично исходить из этой субъективной и объективной данности.

Кроме всего прочего, это требует решительного отказа Запада от любых попыток действовать на Южном Кавказе в обход России и, того хуже, против России Ч неважно, идет ли речь о сугубо экономических задачах, об урегулировании конфликтов или о чем-то ином. В противном случае и без того запутанная ситуация в регионе может осложниться до критического уровня. Тогда южнокавказское пространство, насыщенное горючим материалом, начнет воспламеняться во вполне предсказуемых точках, но с абсолютно непредсказуемыми размахом и последствиями. Поскольку это самым непосредственным образом затронет национальную безопасность России на Северном Кавказе, достаточно высока вероятность жесткого и асимметричного ответа с ее стороны.

Такой поворот событий не обещает ни одному из участников Убольшой кавказской игрыФ ничего, кроме сильной и долгой головной боли, против которой останется одно средство Ч принудительно подавить источники конфликтов и заморозить конфликтогенный потенциал Южного Кавказа на многие десятилетия. При этом России и Западу нужно будет умудриться избежать крупной ссоры и договориться о распределении между собой колоссальных прямых и косвенных расходов сначала на проведение целой серии миротворческих операций, а затем на эффективное поддержание статус-кво. (Если, конечно, не существует плана развязать в регионе крупномасштабную войну и полностью перекроить его политическую карту.)

Над этим должны глубоко задуматься все, в том числе сравнительно новые игроки, преследующие на Южном Кавказе собственные интересы и порой плохо просчитывающие последствия. И едва ли не в первую очередь это следует сделать грузинским, азербайджанским и армянским лидерам. Им стоило бы тщательно взвесить все УзаФ и УпротивФ, прежде чем вносить свой вклад в дело дальнейшего поощрения геополитического ревизионизма, начатое в 1991 году, при этом не утруждаясь даже имитацией благонамеренности по отношению к России.